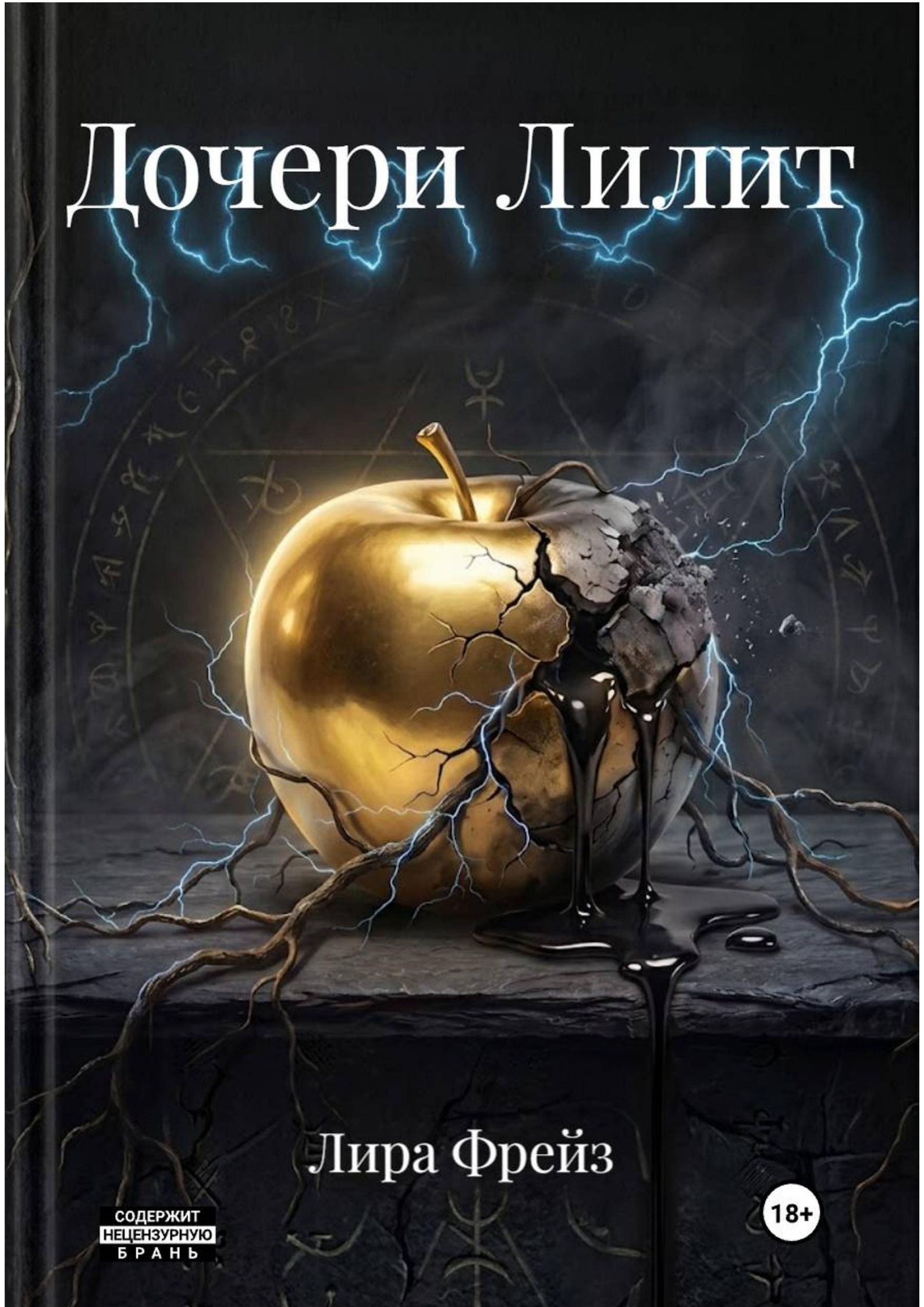

Дочери Лилит

Лира Фрейз

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лира Фрейз
Дочери Лилит

«Автор»

2026

Фрейз Л.

Дочери Лилит / Л. Фрейз — «Автор», 2026

Восемнадцать лет лес скрывал их от божественного взора. Три сестры — три осколка первородной мощи, выросшие в хижине обычного смертного. Их учили бояться своей крови, держать силу в цепях и оставаться людьми. Но дом опустел, а след матери ведет за грань человеческого мира — в Преисподнюю, где разгорается новая война между Светом и Тьмой. Чтобы обрести себя, сестрам придется перешагнуть через заветы отца, столкнуться с опасной страстью и выдержать ярость самого Люцифера, который даже не подозревает о существовании дочерей своей Королевы. Это история о том, как монстры учатся человечности, а абсолютный Владыка Ада готов сбросить свою гордыню и стать самым уязвимым существом во Вселенной ради любви.

© Фрейз Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1	5
Пролог	6
«Рождение Тьмы»	6
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Ли́ра Фре́йз До́чери Лили́т

Часть 1

«Как упал ты с неба, денница, сын зари! разбился о землю, попиравший народы. А говорил в сердце своем: «взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой и сяду на горе в сонме богов, на краю севера; взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему» Книга пророк

Книга пророка Исаии 14:12-14

Пролог

«Рождение Тьмы»

«Это не просто сказание. Это память мира. Перед Вальпургиевой ночью ведьмы шепчут его у костров, и даже самые древние демоны замирают, прислушиваясь...»

В начале не было ничего — лишь бездонная, беззвучная пустота. Холодная, равнодушная, вечная. Но даже в этой тишине уже дремало семя бытия, ибо существовал Он — Творец, чья воля была законом, а мысль — творящей силой. Но был он один, а одиночество неподвластно даже вечным. И тогда Он начал создавать...

Сначала явился свет — не тот бледный, привычный смертным, а ослепительный, невыносимый для любого взора, свет первого утра. Он разлился по бездне, как золотая кровь, и там, где он касался тьмы, рождались звёзды. Они вспыхивали, словно искры от божественного молота, и их пение — чистые, кристальные ноты — наполнило пустоту, как волшебные мелодии, разлетающиеся по бескрайним просторам, вызывая восхищение и трепет.

Из этого Света родились первые. Ангелы. Они были прекрасны. Их крылья, сотканные из самого света, мерцали, как крылья гигантских бабочек, пойманных в сачок рассвета. Каждый из них излучал ауру божественного величия, а их голоса слагали гимны, от которых дрожали основы мироздания. Эти песни были полны восхищения и любви, и среди них был один — прекраснее всех. Самаэль. Люцифер. Утренняя Звезда. Его имя означало «Несущий Свет», и он нёс его в самом себе. Голос его был чище серебра, взгляд пронзал суть вещей, а крылья сияли так ярко, что другие склоняли головы. Творец доверял ему как первому, как старшему сыну. И, может быть, любил его чуть сильнее остальных.

Но пока Люцифер воспевал утро, Творец обратил взгляд на новое творение...

Он создал Эдем. Великолепный сад, где воздух был сладок, как мёд, а деревья склоняли ветви, словно в поклоне перед своим Создателем. Тут щебетали птицы, аромат цветов окутывал всё вокруг, и светлые ручьи текли среди зелени. Здесь, среди вечной весны, он поместил Адама — первого человека, слепленного из глины и оживлённого божественным дыханием. Но Адаму было одиноко. Он искал товарищества, понимания, того, кто мог бы разделить с ним это чудесное место и все его тайны.

И тогда Творец создал Её. Лилит. Она не была вынута из ребра Адама, нет, она была слеплена из той же глины, что и он, и в её жилах текла та же божественная искра. Лилит была сильной и независимой, и в ней жил дух свободы.

Но покой оказался недолгим...

— Почему я должна склониться? — спросила она, глядя в глаза Адаму. — Мы сотворены из одной глины! Почему ты смеешь велеть мне?

— Таков замысел, — ответил он. — Ты создана из моего одиночества, ты должна быть моей. Ты — моя половина.

— Лучше я не буду ничьей, но целой, — сказала Лилит.

Её голос не дрожал. В её взгляде не было ни гнева, ни страха — только ясность. И, не оборачиваясь, она покинула райский сад. Перешагнула предел, где кончались травы и начиналась безымянная земля. Туда, где ещё не было дорог. Где не звучали имена. Где свобода пахла пустотой.

Она больше не принадлежала ни Раю, ни его властителю. Свет был слишком ослепляющим, слишком жгучим, слишком требовательным. Он требовал покорности, покоя и вечной тишины, а в ней бурлила сила, которой не было места в безупречном сиянии.

И тогда Лилит остановилась у границы.

Позади — белизна, режущая глаза и душу. Впереди — бесконечная, плотная, зовущая Тьма. Она казалась бездной, но чем дольше Лилит смотрела, тем явственнее понимала: это не пустота, а пространство для дыхания, для воли, для неё самой.

— Ты не сможешь вернуться, — сказал голос, не мужской и не женский, а словно рождённый самым первородным мраком.

— Я и не хочу, — ответила Лилит.

И шагнула...

Тьма приняла её. Не сожрала, не разрушила — обняла, впустила. Она не падала — наоборот, поднималась. Мрак заполнил каждую её клетку, вливался в кровь, в дыхание, в мысли. «Ты моя», — сказал он. «А ты — моя», — ответила она.

И в тот миг её плоть разорвалась болью. Из спины, словно из глубины самой души, вырвались крылья. Чёрные, сияющие глянцем ночи, расправившиеся ввысь, как знамя. Они были тяжёлыми и лёгкими одновременно, их вес не давил — он подтверждал её свободу.

Лилит расправила крылья.

Она вышла из Рая — и вошла во Тьму. Но теперь Тьма жила и в ней.

А в Эдеме, среди благоухающих деревьев, Творец вздохнул. Он не стал её останавливать — его вздох был полон грусти. И он лишь вновь вернулся к своему замыслу, заключив в нём новую историю. Он создал Еву — покорную, мягкую, удобную, мечтающую о гармонии и любви. Её нежность была обволакивающей, и Адам почувствовал в ней ту теплоту, которую искал.

А далеко за стенами сада началась другая история...

Люцифер наблюдал. Он видел, как свободную отвергли. Он видел, как голос, прозвучавший в Эдеме — голос, сказавший «Я не буду ничьей», — был встречен не вниманием, а тишиной. Как выбор стал грехом, а свобода — нарушением порядка.

И в нём зародилось сомнение...

Не бунт. Не гнев. Сначала — только мысль. Хрупкая, как трещина в стекле, но такая, от которой рушится витраж.

— Почему мы должны служить? — прошептал он в пустоту. — Разве послушание — это любовь? — Почему порядок ценнее воли? — Почему совершенство требует молчания?

Он не произносил это вслух. Лишь думал. Только иногда, в промежутках между гимнами, его взгляд был направлен не вверх, а вовнутрь. Он молчал, но молчание его не было пустым. Сначала он говорил сам с собой. Потом — с теми, кто, как и он, начал смотреть за пределы предписанного. С ними он не спорил. Он задавал вопросы. Не обвиняя, а спрашивая: «Ты никогда не чувствовал, что что-то не так?»

Некоторые отворачивались.

Но были и те, кто слушал.

А потом — те, кто верил.

Так родилось восстание.

Не в огне, не в мече, не в закланиях.

Оно родилось в тишине.

В шёпоте. В сомнении. В паузах между нотами славы.

Он знал.

Творец всегда знал.

Он молчал, пока Люцифер сомневался.

Молчал, пока он говорил с другими.

Молчал, когда из слов стала рождаться вера.

Но молчание Творца не означало слепоты. Оно было ожиданием.

А потом — Он явился.

Не как свет, не как музыка, не как любовь.

Он явился как Закон.

Голый. Без лица. Без крыльев.

И даже звёзды затихли.

— Зачем ты это делаешь? — спросил Творец.

Голос Его не гремел. Он был холоден. Как лёд под кожей. Как приговор, от которого нельзя отвести взгляд.

— Потому что ты отнял у них выбор, — ответил Люцифер. — У ангелов. У людей. У Лилит. У всех.

— Я дал им гармонию, — возразил Творец. — Ты предлагаешь хаос. Ты предлагаешь боль.

— Я предлагаю правду, — сказал Люцифер. — А ты прячешь за добром свою тиранию.

Они молчали. Всего мгновение — но оно было длиннее эонов.

И тогда Творец подошёл ближе.

— Ты хочешь свободы? Хорошо. Ты получишь её. Всю. До конца. Без защиты. Без милости. Без света.

— Я приму всё, что ты отверг, — сказал Люцифер. — Даже боль. Даже забвение. Но я не склонюсь.

Творец посмотрел на него с бездной в глазах.

— Тогда падай...

Он не толкнул и не ударил, но слово Его разорвало небо.

И Люцифер пал. Девять дней и девять ночей он падал сквозь миры, сквозь свет, сквозь себя. Крылья его горели, голос рассыпался в крик. Но когда он коснулся дна, там, где не было даже времени, вспыхнул Ад. Башни поднялись из лавы, реки — из слёз, врата — из золы и крови. Каждый изгнанный следовал за ним. Не из страха, а потому что верил, что правда не обязана быть угодной.

...

Когда мрак окончательно поглотил его и пламя крыльев потухло, он остался один. Но он не знал: в этом мраке его уже ждала та, кто тоже была отвергнута небесами. Лилит стала его Королевой, его проклятием, его тенью, воплощая все те чувства, которые когда-либо мучили и самого Люцифера. Вместе, несмотря на свою собственную боль, они построили Бронзовый Вавилон — величественный город греха, где стены были выкованы из лжи, похоти и тщеславия, а мостовые вымощены костями гордецов, павших в битвах за свободу.

Ангелы, оставшиеся верными Творцу, возвели Серебряный Град — неприступную цитадель света, где правил архангел Михаил, ставший символом верности.

...

Ангелы зывали к дисциплине, демоны — к свободе. А на земле жили те, кто слышал оба голоса. Люди. Битва между Адом и Раем не имела конца. Демоны искушали людей, подталкивая их к греху, заполняя их сердца сомнением и тоской. Ангелы наказывали их, требуя покорности, терзая души людей своей безжалостной справедливостью. Земля страдала, и мир казался погружённым в бесконечный мрак. Но в глубине Ада и на вершинах Рая родилось пророчество, предвещающее течение будущих событий:

«От плоти Лилит явится дитя. Ни ангел, ни демон. Но нечто третье. Оно вознесёт пепел над светом. Оно разрушит порядок и создаст свой закон. И в тот день даже Творец склонит голову...»

Это пророчество свело Люцифера с ума. Оно вонзилось в него, как заноза из света, — и горело, и пульсировало, и отравляло мечтой. Он хотел этого ребёнка — не как отец, а как пророк, как бог в изгнании, что наконец увидел возможность взорвать само основание мироздания. Он шептал его имя, ещё не зная, какое оно будет. Он видел его в огне, в тени, в каждом

трепете собственной воли. Он верил: это дитя — не просто плоть. Это пламя. Орудие. Искупление. Молнией, вырванной из сердца бури, оно должно было низвергнуть Град, переписать Завет, заставить Творца замолчать навсегда.

Если Творец отнял у них небо, пусть их ребёнок принесёт им новое. Не как дар — как реванш.

И он говорил об этом — страстно, неистово, будто пророчество уже сбылось, словно его кровь уже кипела в венах этого ребёнка. Он говорил о великом огне, который поглотит ложь, о свободе, что вырастет на пепле Эдема.

Но Лилит... впервые испугалась. Не Бога. Не наказания. Не проклятия. Она, что никогда не склонялась, содрогнулась перед тем, кого любила. Она чувствовала: Люцифер хочет использовать дитя — пусть даже бессознательно — как орудие в великой борьбе. Он хотел через него утвердить победу над небесами, доказать своё право на трон, на мир, на память.

А Лилит... хотела, чтобы их дитя было свободным. Не знаменем. Не символом. Не предсказанием, а просто существом, которое само выберет, кем быть.

И в этом была её боль.

Они с Люцифером вырвали себе свободу сквозь кровь и вечное изгнание — а теперь он был готов отдать своего ребёнка обратно в цепи, пусть и выкованные из огня и мечты.

Она боялась не судьбы. Она боялась, что их ребёнок повторит их путь не по выбору, а по приказу. И впервые с тех пор, как она ушла из Эдема, её страх оказался сильнее гнева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.